

УДК 323

РАЗВИТИЕ ДОКТРИНЫ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ В ЭПОХУ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

© 2009 г.

С.Ю. Волков

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

fmo-volkov@rambler.ru

Поступила в редакцию 02.04.2009

В XVI–XVII вв. в идеологии международных отношений Западной Европы происходит переход от доминирования религиозных воззрений к рационалистическому подходу. Автор статьи анализирует развитие важнейшего политического и правового института – доктрины справедливой войны – в период раннего Нового времени. Особое внимание уделено исследованию концепции основателя науки международного права Гуго Гроция.

Ключевые слова: доктрина справедливой войны, раннее Новое время, Гуго Гроций.

Основатель науки международного права Гуго Гроций (1583–1645) называет *справедливость* главным критерием регулирования всех форм общественных отношений. Такая позиция определяется приверженностью голландского ученого принципам теории естественного права. В частности, он заложил основы рационалистического направления этого учения. В международной сфере справедливость выражается в соблюдении непреложных норм, диктуемых природным человеческим разумом, и положений права народов, установленных соглашением между государствами. Справедливость выше военной силы, поэтому нужно уважать права не только своего, но и других государств. Отталкиваясь от данных соображений, голландский ученый стремится выявить особые нормы права, обязательность которых ни у кого не вызвала бы сомнений. Они должны регулировать международные отношения независимо от развития политической ситуации. По словам Гроция, «невозможно не только согласиться с измышлениями некоторых, будто во время войны прекращаются все права, но и даже не следует начинать войну, ни продолжать начатую войну иначе, как соблюдая границы права и добросовестности» [1, с. 50].

Накопившиеся к началу XVII в. международные противоречия в Западной Европе далеко не всегда могли быть разрешены в мирной форме. Наиболее авторитетный идеолог раннего христианства Августин Аврелий придерживается мнения о порочности войны как таковой и о необходимости достижения *мира между всеми христианскими народами* ради совместного сопротивления иноверцам [2]. «Священная вой-

на» концептуально отделялась от обычной и считалась изначально справедливой. В его восприятии естественное право диктует обязательность войны по отношению к внешнему миру с целью достижения христианского согласия народов «истинной веры». Можно сделать вывод, что столь категоричное мнение, ставшее в Средние века официальной позицией господствующей в Западной Европе католической церкви, предопределило особую остроту и широкое распространение религиозных войн. Если воевать с единоверцами нельзя, но необходимость этого диктуется политическими мотивами, значит, нужно непременно найти ересь в их верованиях, чтобы снять данное противоречие.

С некоторыми незначительными коррективами концепция Августина господствовала в идеологии международных отношений Западной Европы в течение тысячи лет. Но реалии раннего Нового времени существенно отличались от представлений «отцов церкви», насущные политические потребности зачастую вступали в противоречие с абстрактными религиозными рекомендациями. Общая вера могла быть поводом к заключению союзов и коалиций, но только при наличии их практической выгоды. В то же время христиане не переставали воевать между собой, без особых колебаний привлекая к союзам иноверцев, если политическая конъюнктура требовала подобных издержек [3].

Еще в меньшей степени воплощались в реальности концепции пацифизма, получившего в XVI в. новый импульс. Например, Мартин Лютер, признавая принципы справедливой войны как крайней необходимости, попытался собрать воедино августианианскую историко-теологи-

ческую интерпретацию и моральное обоснование поведения человека для доказательства идеи всеобщего мира [4]. В то же время он предусматривал, что в границах мирских отношений власть должна руководствоваться практической целесообразностью. Институт государства должен опираться не на божественное, а на естественное право, компетенцией же церкви является внутренний мир человека.

Соотечественник Гроция Эразм Роттердамский более категоричен в своем неприятии войны как политического феномена: «война противна всему сущему: война – первопричина всех бед и зол, бездонный океан, поглощающий все без различия. Из-за войны все цветущее загнивает, все здоровое гибнет, все пробное рушится, все прекрасное и полезное уничтожается, все сладкое становится горьким» [5, с. 40]. Обвиняя католическую церковь и безответственных правителей в разжигании вражды между государствами, он призывает всех людей одуматься и прекратить распри. Не предлагая какой-либо политической или юридической программы, Эразм со всей мощью своего пафоса и убеждения выступает за полное запрещение войн. «Поводы и причины войн надо немедленно устранять. Для того чтобы избежать многих раздоров и столкновений, следует снисходительно относиться к некоторым вещам, ибо вежливость порождает и вызывает вежливость. Иногда мир может быть куплен... Мир по большей части зависит от сердец, желающих мира. Все те, кому мир приятен, приветствуют всякую возможность его сохранить» [5, с. 57–58].

Несмотря на резонанс, который имели в немногочисленной образованной среде Европы данные выступления, совершение каких-либо практических шагов по искоренению войн в условиях раннего Нового времени вряд ли было возможно. Напротив, неприятие войны как правового феномена и нежелание воспринимать ее как фактор политической действительности приводили к абсолютному произволу сторон в способах ведения военных действий. Возникла настоятельная потребность во введении определенных рамок, которые бы опирались на прочную идеологическую и юридическую основу для регулирования поведения субъектов права войны.

Современный отечественный исследователь А.А. Скворцов так формулирует ключевую проблему эпохи: «Могут ли быть войны благом? Могут, если невступление в войну повлечет еще более пагубные последствия, чем ее начало. Со средних веков ведет свою историю

популярный философский жанр трактатов о вечном мире. Но и Марсилиус Падуанский, и Эразм Роттердамский, и Ж.-Ж. Руссо, И.-Г. Гердер и даже И. Кант, указывая на неисчислимы бедствия, которые несет война, признавали, что в исключительных случаях она все же оправдана. Эти случаи – защита национального суверенитета и народно-освободительная борьба. Войны захватнические, агрессивные, ведущиеся ради интересов узких групп – всячески осуждались. Отсюда распространилось мнение, что оборонительные войны – справедливы, а наступательные – несправедливы. Но, надо заметить, что в оценке правильности или неправильности боевых действий сам по себе тип боевых действий особой роли не играет, ибо можно защищать и бесчеловечный режим. О войне надо судить не потому, как она ведется, а по тому, во имя чего она ведется» [6].

Глубокую правовую базу и широчайшее практическое применение получила доктрина справедливой войны в интерпретации великого голландского ученого Гуго Гроция, издавшего в 1625 г. знаменитый трактат «О праве войны и мира». «Пальма первенства в отношении разработки науки международного права принадлежит, несомненно, Гуго Гроцию. Историческое значение знаменитого голландского юриста заключается в том, что в век бесконечных войн, сопровождаемых грабежами и разорениями, он попытался теоретически обосновать защиту буржуазной собственности и вместе с тем ввести войну в рамки права народов» [7].

Следует отметить, что в вопросе юридического обоснования справедливой войны у голландского мыслителя были авторитетные предшественники. Во второй половине XVI в. появилось несколько работ, преследующих подобные цели, авторами которых были Ф. Виттория, Б. Айала, П. Белли, А. Джентили и др. Но наибольшую известность, распространение и практическое применение все же получил трактат Гуго Гроция. Крупнейший отечественный исследователь данной проблематики В.Э. Грабарь указывает, что «едва ли какая-нибудь другая книга, кроме Библии, насчитывала столько изданий, как этот монументальный труд Гроция... она была первым и единственным систематическим изложением действующего международного права, в котором можно было найти ответ на все запросы международно-правовой жизни» [8].

Побудительным мотивом к написанию своего трактата Гроций называет непоколебимую убежденность в существовании «в международных сношениях некоего общего права, сохра-

няющего силу для войны и во время войны». Необходимость приведения правил войны в определенные рамки Гроций ощутил по личным впечатлениям от военных действий своей эпохи: «Я был свидетелем такого безобразия на войне между христианами, которое позорно даже для варваров, а именно: сплошь и рядом берутся за оружие по ничтожным поводам, а то и вовсе без всякого повода, а раз начав войну, не соблюдают даже божеских, не говоря уже о человеческих, законов, как если бы в силу общего закона разнузданное неистовство вступило на путь всевозможных злодеяний» [1, с. 51].

Требование полного запрета войн для христиан автор считает чрезмерным, ибо своей невыполнимой крайностью оно лишь подрывает доверие к справедливости, поэтому нужно искать «золотую середину» между всеобщим запретом и абсолютной вседозволенностью. Гроций решает по-новому подойти к приданию научной формы праву войны, что до него многие тщетно пытались сделать. За основу он берет естественно-правовые установления, четко отделенные от иных юридических норм.

С образованием в XVI – XVII вв. государств современного типа и падением авторитета папы римского трансформировалось само понимание международного права. Приоритет идей христианского милосердия сменяет светский рационализм, а предметом права становятся уже не отдельные индивидуумы, а политические образования. «В условиях Реформации возникает необходимость поиска новой основы для международных отношений, что не могло не сказаться на правовой трактовке войны и средств ее ведения. Новый подход базировался на международном праве, названном законом человечества, и был связан с именем голландского юриста, социолога и государственного деятеля, основоположника теории естественного права и современной науки естественного права, протестанта Гуго Гроция» [9].

Возвращаясь в конце трактата к теме упорядочения военных действий, автор уточняет: «в нашу задачу, собственно, входит исследование вопроса не о том, что представляется наилучшим, но об ограничении произвола войны пределами дозволенного природой или тем, что является более предпочтительным из дозволенного» [1, с. 720]. Разделение категорий «дозволенного правом» и «диктуемого честью и моралью» является одним из принципов трактата, позволяющих примирить полярные суждения в данном остром вопросе.

Гуго Гроций во многом опередил свое время, построив свою теорию на началах чистого

разума. Он заложил фундамент гуманистических норм разрешения вооруженных конфликтов. Как отмечает И.С. Андреева, «XVII век ознаменовался кровопролитными войнами между различными коалициями европейских государств. И хотя эти войны велись все еще, как правило, феодальными государствами и прикрывались подчас религиозными лозунгами, в их целях начинают сказываться интересы буржуазии. Возникают войны за рынки сбыта, осуществляется захват колоний. Но опустошения, причиняемые военными действиями, задерживают общественное развитие» [10]. Попыткой разрешения международных конфликтов стали планы примирения, первым из которых считается Великий план Генриха IV, составленный его министром Максимилианом Сюлли. Но эта программа предусматривала не установление всеобщего мира, а создание военно-политического союза западноевропейских государств против Турции, которую предполагалось вытеснить с Балканского полуострова, и для ослабления власти Габсбургов, что было главной целью Франции [11].

Гуго Гроций подчеркивает значимость урегулирования права войны, поскольку игнорирование столь же опасного, сколь и распространенного явления приводит к непредсказуемым тяжелым последствиям. «Все взаимные споры лиц, не связанных воедино общим внутрисоциальным правом, относятся к состоянию войны или мира», и так как войны ведутся ради заключения мира и нет такого вопроса, из-за которого не могла бы разгореться война, то нужно проанализировать причины войн и мирное состояние как их конечную цель [1, с. 67–68]. Универсальное гроциевское определение войны как «состояния борьбы силою» подчеркивает распространение в его эпоху «частных войн», то есть феодальных усобиц, но он предусматривает и более узкое понимание – вооруженное столкновение государств. Совместить этот термин с понятием «справедливость» позволяет приводимое здесь же толкование «от обратного»: справедливо то, что «не противоречит природе существ, обладающих разумом», что не является злоумышлением. При этом, с нормативной точки зрения, определение войны остается нейтральным, ее справедливый или несправедливый характер проявляется в зависимости от условий и способов ведения [12].

Разум – главная способность в живом существе, подчиняющая себе все изначальные побуждения природы, поэтому нужно проверить на соответствие ему все вещи, которые нас касаются. «Самая цель войны – сохранение в непри-

косновенности жизни и членов тела, сохранение и приобретение вещей, полезных для жизни, – вполне соответствует первым побуждениям природы...», в том числе с использованием насилия, для которого живые существа снабжены средствами самообороны (когти, зубы...) [1, с. 84]. Но более важно, что «здравый разум» тоже санкционирует войну, запрещая «применение не всякого насилия, но только того, которое несовместимо с самим обществом, то есть которое нарушает само право. Ибо общество преследует ту цель, чтобы пользование своим достоинством было обеспечено каждому общими силами с общего согласия» [1, с. 85]. К основным защищаемым правам Гроций относит изначально жизнь и свободу, а также производную от права первоначального захвата частную собственность.

Предусмотрительность и забота о себе не противоречат природе общества, «пока не нарушается чужое право, и оттого сила, не нарушающая чужого права, – законна», силой (по примеру зверей) – допустимый путь разрешения споров, которые не были решены «спокойным рассмотрением» (что свойственно человеку). Данный тезис подтверждается Священным Писанием и всей историей человечества. При этом правители должны «решительно воспрепятствовать» бессмысленное кровопролитие. «Все сражения, не служащие ни для получения должного, ни для прекращения войны, имеют целью исключительно служить честолюбию силой... противоречат долгу христианина и самой человечности» [1, с. 85–86, 709]. Споры между государствами предполагают необходимость некоторых взаимных уступок во избежание ненужных жертв, «ведь человеческие законы заставляют предполагать, что поставлено целью устранить самые семена войны» [1, с. 778].

Но не всякая война, начатая по естественно-справедливому поводу, остается справедливой до конца. Право народов «устанавливает и некоторый особый способ ведения войн, откуда проистекают и особые последствия, обусловленные свойствами права народов» [1, с. 87]. Нарушения правил ведения справедливой изначально войны приводят к ее неодобрению правом народов, хотя запрет все же не накладывается, ибо врага нужно отражать оружием. Поэтому Гроций предостерегает третьи страны от вступления в уже ведущуюся войну, ибо «даже в войне справедливой почти невозможно распознать по внешним признакам, что составляет справедливые границы самозащиты, возвращения своего имущества или же наложения наказания» [1, с. 618]. Многие остаются на усмотрение воюющих сторон.

Деление войн на *публичные* (ведутся государственными органами), *частные* и *смешанные* (публичные, с одной стороны, и частные – с другой) характерно для истории Европы раннего Нового времени. Частные войны (древнейший вид) «дозволены, раз они не противоречат естественному праву», как отражение агрессии, но изживаются внедрением государственных судов, которые «совершеннее созданий природы и пригоднее для спокойствия людей» [1, с. 118–119]. В современной ему Европе Гроций фиксирует переходный период, когда феодальные принципы вытесняются из социальных отношений, но еще не вполне изжиты, поскольку возможность обращения к правосудию обеспечена не повсеместно.

Публичная война может считаться «*торжественной*» (справедливой, законной), если соблюдаются два условия: а) с обеих сторон ее ведут лица, обладающие верховной властью; б) соблюдаются установленные правом народов «обряды», правила войны [1, с. 124]. Это единственная правовая форма войны, что обуславливает особые условия ее начала, способы ведения и гарантии в случае прекращения. Гроций указывает на многочисленные споры юристов относительно правомерности квалификации конкретной войны как публичной, ибо от этого зависит, как относиться к противнику. Незаконно сопротивляющихся можно наказывать как бунтовщиков, без ограничений, налагаемых правом народов.

Важным моментом при определении формы войны является ее *объявление*. Правом на это обладает носитель верховной власти (индивидуальный или коллегиальный), ибо только он может вести справедливую войну. Публичное объявление войны необходимо, по праву народов, для наступления особых правовых последствий за исключением, по естественному праву, случаев отражения агрессии или наказания виновных. С точки зрения Гроция, А. Джентили ошибался, полагая, что объявление войны нужно для исключения коварства и тайных действий, так как это скорее относится к понятию воинской чести. По праву же оно должно «сделать совершенно несомненным, что война ведется не по частному почину, а по воле обоих народов или глав народов» [1, с. 612].

Даже в обширном государстве подчиненные органы не могут начинать войну без распоряжения верховной власти, если иное прямо не указано в их полномочиях, но в этом случае их действия приравниваются к актам верховной власти. Гроций полностью исключает законность войны на основании *предположений* о

воле правительства, что допускалось многими современными ему юристами. «Мы напомним, что далеко не столь убедительные доводы, приводимые даже знаменитейшими авторами, потому что они нередко подчиняются духу своего времени, нередко же – тем или иным впечатлениям... приводящим к опасным заблуждениям» [1, с. 126].

Справедливой причиной войны часто является совершение *правонарушения*, «сколько существует судебных исков, столько же – источников войны, ибо там, где нет возможности прибегнуть к суду, там возникает война» [1, с. 185–186]. Как отмечает И.Ю. Козлихин, «те нарушения, которые являются основаниями для судебных исков, одновременно являются справедливыми причинами для объявления войны. Сами же основания исков Гроций черпает из римского частного права» [13]. При этом голландский ученый называет три возможных варианта сопротивления: самозащита, возвращение имущества и наказание виновных.

Обычно наказание за преступление сочетается с целью возмещения вреда, но повод должен быть очень веским, иначе лучше проигнорировать нанесение ущерба, чем воевать. Гуго Гроций, исходя из реалий своей эпохи, рекомендует потерпевшей стороне отступить от своего права в случае столкновения с более сильным или даже равным по силе противником: «тому, кто готов отомстить за злодеяния оружием, нужно быть значительно сильнее своего противника» [1, с. 547–550]. То есть, несмотря на декларацию приоритета справедливости в международных отношениях (в соответствии с главным канон естественного права), он вполне прагматичен в конкретных рекомендациях. В данном случае в его рассуждениях преобладают элементы политики (нецелесообразность риска при сомнительном исходе столкновения), а не права, для которого существовавшая только легитимность, а никак не военная мощь сторон.

Гроций поддерживает мнение, что справедливыми являются войны против нарушителей естественного права, но он сразу оговаривает недопустимость использования заявлений о защите естественной справедливости ради прикрытия собственных корыстных интересов: повод должен принадлежать «к числу ужаснейших и несомненных» [1, с. 196, 483]. Голландский ученый, в частности, предостерегает также против начала *превентивной* войны, хотя возрастающее могущество соседа может стать в будущем угрозой, и, например, А. Джентили считает такое решение хотя и не справедливым,

но благоразумным. «Обращение к насилию во избежание лишь возможного насилия лишено всякого основания справедливости. Жизнь человеческая такова, что полная безопасность нам вообще никогда не доступна. Против неосновательных же опасений следует полагаться на божественное правосудие и прибегать к обеспечению безопасности, но не к силе... Ожидание сомнительной опасности не может дать права на причинение насилия» [1, с. 196]. Что касается военных действий правонарушителя, то они могут получить юридическое оправдание, только если он предложил потерпевшей стороне соразмерную компенсацию «согласно суждению добросовестного посредника», но получил отказ.

Рассуждая о *несправедливых причинах* войн, Гроций проводит различие между побудительными мотивами (собственно причинами) и оправдательными предложениями, которые выдвигают инициаторы, обычно чтобы скрыть истинные побуждения (захват власти, территорий, материальных ценностей). Войны при отсутствии и того, и другого – из-за «жажды опасностей, ради них самих» – бывают редко и являются признаком «дикости», «зверства». Если же инициатор не заботится об оправдании своих действий, то он поступает как разбойник, которому безразлична справедливость [1, с. 526–527].

Некоторые причины только с виду кажутся справедливыми. «Иные как будто приводят оправдательные причины, но перед здравым смыслом обнаруживается несправедливость таковых... Чтобы самозащита была справедливой, она должна быть необходимой» [1, с. 528]. Только достоверная информация о подготовке соседом агрессии, а не соображения государственной пользы может служить основательной причиной. Например, на сооружение пограничных крепостей можно ответить тем же, но не войной, а отказ в брачном предложении или обязательство неформального характера – вообще не аргумент.

Если кроме справедливой причины существуют и иные побуждения (месть, захват богатства или власти), дополняющие действия «каким-либо пороком, который вытекает из намерения лица, предпринимającego самое действие», то это, тем не менее, не делает войну несправедливой [1, с. 532–533]. Гроций реалистично воспринимает стремления верховной власти любого государства и далек от мысли об исключительном альтруизме ее действий. С его точки зрения, подлежат контролю лишь объективные факторы, а наличие справедливой при-

чины оправдывает выгоды, которые сторона может получить в такой войне.

При анализе конкретных действий в ходе войны на предмет их соответствия естественному праву автор выделяет три основополагающих принципа:

1) допустимость того, что нужно для достижения целей, – можно применять насилие для защиты своей жизни и имущества, посягать на чужое имущество для устранения опасности и применять принуждение, без которого невозможно справедливое наказание;

2) соблюдение права источника и условий войны, проявляющееся в ответственности за действия в войне всех, кто в ней участвовал;

3) некоторые неумышленные действия не являются преступлениями, хотя и запрещены: «при этом выбор предоставляется благоразумию, но с тем, чтобы в случае сомнения он всегда склонялся в ту сторону, которая выгоднее другому, чем себе, что более безопасно» [1, с. 577–579].

Естественное право кроме безнаказанности на войне многих деяний позволяет в порядке справедливого возмещения ущерба захватить вещи или причинить ущерб. *Репрессалии* (захват чужого имущества) возможны: а) когда судебное решение против преступника или должника не может быть получено «в надлежащее время»; б) если суд по бесспорному делу принимает явно несправедливое решение, «ибо власть судьи по отношению к иностранцам не имеет той силы, какая принадлежит ему по отношению к подданным» [1, с. 602]. Земли могут быть приобретены не иначе, как актом публичной власти, выраженным в военном захвате и размещении гарнизонов, движимые вещи и пленные, в зависимости от внутригосударственных законов, могут поступать в публичную или личную собственность, «ведь каждый народ может установить для своих членов нечто иное» [1, с. 645–646]. Но вещи, захваченные в несправедливой войне, должны быть безоговорочно возвращены законным владельцам. Запрет на грабежи в справедливой войне устанавливается в отношении нейтрального имущества на территории врага, а в войнах гражданских «независимо от их больших или малых размеров не может произойти никакого перехода собственности иначе, кроме как в силу судебного решения» [1, с. 658].

Окончание войны и заключение мирного договора являются важными факторами последующей стабильности международных отношений. Гуго Гроций стремится максимально сузить поле для будущих споров между противосто-

ящими государствами и предложить по возможности наиболее определенные условия примирения. Мирный договор заключается носителем верховной власти, поскольку «заключение соглашений, которыми оканчивается война, составляет право тех, от кого зависит и сама война» [1, с. 772–773]. В монархиях – это прерогатива государя, а в случае его малолетства, безумия или пленения – регента. Впрочем, Гроций рассматривает и менее распространенный в раннее Новое время вариант демократических и аристократических государств, в которых власть осуществляется народным собранием или высшим органом знати.

От мирного договора следует отличать *перемирие*, которое в течение войны верховные органы обеих сторон могут заключать между собой для осуществления переходов, выкупа пленных и т.д. Гроций сразу уточняет статус данного правового феномена: «перемирие есть соглашение, в силу которого во время войны на некоторый срок надлежит воздерживаться от военных действий... Я повторяю: во время войны», так как между войной и миром нет ничего промежуточного: «войной называется такое состояние, которое может существовать даже при отсутствии внешних действий» [1, с. 796]. Время перемирия никак не ограничено – от нескольких часов до десятков лет. Например, знаменитое Двенадцатилетнее перемирие (1609–1621 гг.) между Испанией и Республикой Соединенных провинций не прекращало их состояния войны, несмотря на активные торгово-экономические контакты сторон.

Таким образом, появление трактата «О праве войны и мира», с которого принято начинать науку международного права, стало закономерным следствием развития международных отношений в Западной Европе раннего Нового времени. Кризис средневековой концепции справедливой войны и идеалистичность пацифистских проектов определили необходимость новой постановки проблемы справедливой войны. Гроций предложил установить четкие нормы, которые должны соблюдаться в ходе вооруженных конфликтов, независимо от их конкретных условий.

Можно констатировать, что ряд положений трактата «О праве войны и мира» сохранил свою актуальность и в современных условиях (принцип неприкосновенности собственности, право индивидуальной и коллективной самообороны, принцип нерушимости договоров, статус дипломатического персонала, создание миротворческих организаций, мирные средства разрешения споров и др.) [14]. Многие идеи Гуго Гроция, в

том числе по поводу справедливой войны, оказались востребованы для обоснования приговоров военным преступникам II Мировой войны и других конфликтов, при составлении документов Организации Объединенных Наций [15].

Список литературы

1. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Госполитиздат, 1957.
2. Августин Аврелий. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. М.: Ренессанс, 1991. С. 346–352.
3. Ивонин Ю.Е. У истоков европейской дипломатии Нового времени. Минск: Издательство Университетское, 1984. С. 74–93.
4. Саунина Е.В. Политико-правовые учения о войне в эпоху средневековья и нового времени и роль Гуго Гроция в становлении доктрины справедливой войны. Дис... к.ю.н. Н. Новгород: ННГУ, 2000. С. 53–54.
5. Эразм Роттердамский. Жалоба мира // В кн.: Трактаты о вечном мире. М.: Соцэкгиз, 1963.
6. Скворцов А.А. Нравственные проблемы войны // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2001. № 1. С. 77–78.
7. История дипломатии. Т. 1 / Под ред. В.А. Зорина. М.: Госполитиздат, 1959. С. 242–243.
8. Грабарь В.Э. Трактаты Гуго Гроция, посвященные международному праву // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 1. С. 48–49.
9. Капто А.С. Право войны // Право и политика. 2001. № 1. С. 6.
10. Андреева И.С. Вековая мечта человечества // В кн.: Трактаты о вечном мире. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 19.
11. Черкасов П.П. Кардинал Ришелье. Портрет государственного деятеля. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 34.
12. Haggenmacher P. Grotius et la doctrine de la guerre juste. Paris: Editions de l'institut universitaire de hautes etudes internationales, 1983. P. 63.
13. Козлихин И.Ю. Гуго Гроций // Правоведение. 1999. № 4. С. 271.
14. Буткевич В.Г. Политико-правовые взгляды Гуго Гроция // Советское государство и право. 1984. № 9. С. 87.
15. Von Glahn G. Law among nations: an introduction to public international law. Needham Heights, Massachusetts: Allyn & Bacon, 1996. P. 29–30.

THE DEVELOPMENT OF THE THEORY OF JUST WAR DURING THE EARLY MODERN PERIOD

S.Yu. Volkov

The 16th and 17th centuries witnessed a gradual transition from religious conceptions to rationalism in the ideology of international relations. The author offers an analysis of the development of the most important political and legal institution – the theory of just war – in the Early Modern period, with a special focus on the investigation of the concept of Hugo Grotius, the founder of international law science.

Keywords: the theory of just war, Early Modern period, Hugo Grotius.